

ЮРИЙ ДВОРЯШИН

СУДЬБА И МУЗА ИВАНА МАКАРОВА

В плеяде талантливых мастеров слова предвоенного десятилетия, посвятивших своё творчество судьбе русского крестьянства, ведущее место по праву принадлежит Ивану Ивановичу Макарову. В самом начале 1930-х годов его имя упоминалось в критических статьях в одном ряду с именами М. А. Шолохова и А. П. Платонова, в газетах и журналах широко обсуждались новые его книги, воспринимавшиеся как свидетельства самобытного дарования автора. Первый роман писателя “Стальные рёбра” (1929) был отмечен критикой как “несомненное достижение крестьянской литературы, стоящее в ряду лучших её произведений последнего времени” (Шишкевич. — С. 230). Не случайно сразу же после публикации он был переведён на немецкий язык. 1930-е годы стали для И. Макарова временем творческого взлёта. Публиковавшиеся одно за одним его произведения — рассказ “Остров” (1930), повести “На земле мир” (1931), “Казачий хутор” (1931), романы “Рейд Чёрного жука” (1932), “Чёрная шаль” (1933), “Миша Курбатов” (1936) — пользовались широкой популярностью у читателей, неизменно вызывали бурную реакцию критики.

К сожалению, сегодня творчество И. Макарова остаётся практически не известным. Главной причиной этого стало то, что в 1937 году писатель был репрессирован, и на многие годы упоминание не только произведений, но даже его имени было запрещено. Лишь в 1959 году был опубликован в журнале “Знамя”, а затем вышел отдельным изданием хранившийся в архиве незавершённый его роман “Голубые поля”, из предисловия к которому читатели узнали о писателе и его трагической доле (Козлов). Однако несмотря на то, что некоторые из опубликованных в предвоенное десятилетие произведений И. Макарова были переизданы в 1960-е годы, его творчество по-прежнему остаётся в критическом восприятии вне контекста литературного процесса 1930-х годов. Между тем, созданные более восьмидесяти лет тому назад романы, повести и рассказы этого самобытного русского писателя дают возможность читателю XXI века задуматься над устоявшимися представлениями о путях развития и подлинных ценностях отечественной литературы. Произведения И. Макарова способны не только расширить, но и скорректировать некоторые из этих суждений.

I

Современный читатель, впервые знакомящийся с книгами Ивана Макарова, откроет для себя мир подлинных человеческих страстей, проникнутый драматизмом борьбы за новое устройство бытия. Его произведения вводят в наше сознание героев, живущих не выдуманной, а истинной, переполненной

страданиями, поисками и ошибками жизнью. Книги И. Макарова привлекают сегодня ещё и тем, что за их страницами отчётливо вырисовывается яркая и порывистая личность их автора.

Иван Иванович Макаров – ровесник XX века. Родился он 18 октября (по ст. ст.) 1900 года в селе Салтыки (Богородицкое) Салтыковской волости Раненбургского уезда (ныне Рязского района) Рязанской области. Лаконичные строки биографии, написанной в 1931 году женой писателя Верой Валентиновной Макаровой-Вонлярлярской, сообщают о том, что “Иван Иванович Макаров... учился в Рязской гимназии. Отец его, крестьянин, по профессии сапожник, организовал кредитное товарищество и Общество потребителей в своём селе, неоднократно участвовал в забастовках, за что и был арестован в 1909 году и выслан до 1917 года. Это определило Ивана Ивановича Макарова в политическом отношении. С юношеских лет он принимал самое деятельное участие в революционном движении и в 1918 году вступил в ряды ВКП(б). Во время гражданской войны был на фронте, первый раз ушёл добровольцем, а в другой раз – по партмобилизации. В 1927 году вступил в РАПП, а в 1928 году на I Всесоюзном съезде был избран в члены правления РАППа” (РГАЛИ. Ф. 1624. Оп. 1. Ед. хр. 127. Л. 1).

Конечно, эти чрезвычайно лаконичные строки дают лишь самое поверхностное представление о ключевых событиях в судьбе И. Макарова. В действительности его жизненный путь был необыкновенно стремителен и драматичен. Со всей страстью своей импульсивной природы он откликнулся на вызовы буреломного времени. Семнадцатилетним подростком, будучи учащимся Рязской гимназии, Иван Макаров одним из первых в уезде стал членом Российского коммунистического союза молодёжи. В 1920 году он добровольцем ушёл на фронт, более года служил политруком в Раненбургских частях особого назначения (ЧОН), воевавших с отрядами генерала Мамонтова, а также с участниками крестьянского восстания на Тамбовщине. По окончании гражданской войны работал в Рязской, Скопинской, Михайловской уездных организациях РКСМ. Весной 1922 года Иван Макаров стал инструктором Рязанского губернского комитета РКСМ, позднее был избран его членом. В числе шести делегатов от губернской организации участвовал в VI-м Всероссийском съезде комсомола. Среди членов Рязанской организации РКП(б) его имя упоминается с осени 1923 года; в январе 1926 года он стал секретарём ячейки ВКП(б) при губернском отделе народного образования. Все эти анкетные данные мало что говорят о внутренних мотивах и этической подоплёке общественной деятельности И. Макарова. В его биографии пока ещё слишком много белых пятен для того, чтобы составить определённое представление о сущности и эволюции идейно-политических убеждений писателя. Известно, например, что в конце 1926 года он написал заявление о своём желании “переехать работать по просвещенческой работе Сибкрая” и уехал из Рязани якобы в “отпуск” в Красноярский край. Остаётся загадкой, что побудило как будто успешного партийного работника совершить в 1927 году столь нелогичный поступок. Через два года И. Макарова, уже столичного жителя и известного писателя, исключили из ВКП(б) в “ходе партийной чистки” “за мелкобуржуазные настроения и моральное разложение” (Волков. – С. 153). Констатации этого факта явно недостаточно для понимания глубинных причин и истоков драматических обстоятельств судьбы яркого, неординарного человека, не случайно в раннем творчестве выбравшего себе псевдоним Иван Буйный.

В памяти современников, бережно пронесённой через годы и испытания, сохранился его внешний вид. По свидетельству рязанского журналиста В. М. Новикова, был он “повыше среднего роста, прямой, стройный, со стремительной походкой и энергичными жестами, смуглый, темноволосый, с длинными, скошенными вверх тёмно-серыми глазами и красиво очерченными скулами” (Новиков). Друживший с Макаровым писатель Аркадий Первенцев восторженно восклицал: “Это был истинно русский человек, с широкой душой, с ясным умом и смелыми жестами... Хороший он был человек! Отличный! Мимо него нельзя было пройти и не заметить его. Примерно таким же был по рассказам Есенин, похожим (я знал его) был Павел Васильев. Я имею в виду внешний, запоминающийся, привлекательный облик. Но по своему духовному наполнению, по своей зрелости мужества, по энергии, трудоспособности Макаров в какой-то части превосходил даже этих прекрасных творцов. Макаров был боец-кавалерист, ему ничто не было безразлично” (Первенцев. – С. 5).

В литературу он вошёл позднее, чем его сверстники. В 1927 году в ленинградском журнале “Мир приключений” был впервые опубликован его рассказ “Зуб за зуб”, отмеченный премией редакции на Всесоюзном литературном конкурсе. К этому времени Л. Леонов, бывший только на год старше Макарова, опубликовал два романа — “Барсуки” и “Вор”, а более молодой М. Шолохов был уже автором первой книги “Тихого Дона” и сборников “Донские рассказы” и “Лазоревая степь”. Однако некоторая задержка в начале творческого пути И. Макарова компенсировалась необыкновенной интенсивностью в последующие годы. За 10 лет литературной деятельности — с 1927-го по 1937 год — он написал шесть романов: “Стальные рёбра”, “Чёрная шаль”, “Миша Курбатов”, “Голубые поля”, “Индия в крови”, “Большой план”, повести “Казачий хутор”, “Рейд Чёрного жука”, “На земле мир”, целый ряд рассказов.

Уже при первом знакомстве с творчеством И. Макарова поражает его многогранность — жанровая, стилевая, но более всего — проблемно-тематическая. Он писал об антивоенных настроениях трудового народа России накануне 1917 года, о контрреволюционной деятельности белогвардейских банд на КВЖД в конце 1920-х годов, о коллективизации, о строительстве металлургического комбината в годы первой пятилетки и т. д.

Объёмность и широта тематического диапазона творчества писателя способны создать представление о масштабности его таланта. Однако это возможно только в том случае, если многообразие не оборачивается пестротой, а многообразие не приводит к поверхностности, когда за сложным переплетением неисчислимых жизненных обстоятельств ощущается единая и цельная концепция, определяющая существо и своеобразие творческой индивидуальности художника. Творчество И. Макарова обладает таким качеством. К какому бы историческому периоду или жизненному материалу он ни обращался, всегда чувствуется сокровенная его мысль о русской деревне, о русском крестьянине-земледельце, судьба которого на протяжении всей творческой жизни писателя была его болью и радостью, страданием и любовью.

Первым его произведением, которое всерьёз обратило на себя внимание литературной общественности, стал рассказ “Остров” (1929). Главный герой рассказа — зажиточный крестьянин Фёдор Михайлович разместил своё подворье на острове, отделившись от односельчан не только в хозяйственном отношении, но и пространственно, физически. Этот мотив разобщённости человека с сельской общиной, с коллективом вообще весьма характерен для раннего И. Макарова. Уже в раннем его рассказе “Зуб за зуб” отщепенец Волчатник находит своё убежище на острове. Да и в последующем творчестве писатель неоднократно обращался к образу человека, отколовшегося от органичной для него крестьянской среды. Впрочем, этот конфликт становится весьма распространённым в русской прозе о судьбе деревни в конце 1920-х — начале 1930-х годов. При этом авторы широко используют понятия и образы, символизирующие состояние раздробленности сельского мира, уделяя особое внимание персонажу, пошедшему против односельчан. Характерно, что в “Поднятой целине” М. Шолохова герой, противостоящий хутору Гремячий Лог, носит фамилию Островнов. Не случайно и Макаров назвал свой рассказ “Остров”, подчёркивая тем самым отъединённость своего героя от ставшего ему враждебным крестьянского мира.

Фёдор Михайлович в рассказе И. Макарова — натура сумрачная, заскорузлая, однако не лишённая способности к внутреннему порыву. Его внешняя невыразительность причудливым образом сочетается с отнюдь не простой душевной организацией. Глубина и самобытность его личности особенно ярко проявляются в его отношениях с природой. Он тонко чувствует красоту и гармонию естественной жизни: “И до чего прикрасу много в миру! Птица, и та жизнь обожает”. События общественной жизни, преобразования социальных отношений ассоциируются в сознании Фёдора Михайловича с явлениями природы. Болезненно переживая перемены, связанные с надвигающейся коллективизацией, он в бытии природы стремится найти аргументы, ставящие под сомнение её оправданность и жизнеспособность: “И что такое получится, ежели вся птица начнёт яйца в одно гнездо складывать?.. И что же такое получится?”

Писатель обнаруживает в его смятении мотивы, затрагивающие извечные нормы и моральные принципы крестьянского общежития. Прочно укоренив-

шийся в утверждавшемся веками укладе герой И. Макарова отчаянно пытается сохранить вокруг себя хотя бы клочок прежнего бытия. Фёдор Михайлович озабочен, прежде всего, тем, чтобы и в новых, рождающихся в советской деревне отношениях был соблюден закон правды. “Хотя и Советская власть, а правда в огне не горит и в реке не потонет”, – поясняет он сыну свой успех в изнурительно-долгой тяжбе с посёлком. Правда Фёдора Михайловича во многом опирается на опыт трудовой деятельности и общения с природой: “Правда – она нерушима веками. Она... в самой природе, правда. Луговка, скажем, имеет своё гнездо – имей. Рядом – иное гнездо. И по закону ему положено находиться. Другому”.

Логика персонажа, направленная на осмысление самой идеи грядущей коллективизации, не ставится автором под сомнение. На первый взгляд, его правде противостоит правда, выраженная в словах его бывшего батрака Семёна Бреева: “По правде хошь? Хуже собаки надоел ты со своей правдой! Извечно всё правда, правда... Чхать мы хотели на твою правду! У нас своя правда!” Однако сама суть этой правды остаётся невыясненной. Злоба надорвавшегося на батрацкой работе Семёна, конечно, мотивирована, но его аргументы явно недостаточны, чтобы противостоять упрекам хозяина острова. Правда Фёдора Михайловича оказывается более глубокой, основательной и долговременной, в конфликте с правдой беднейшего крестьянства она выглядит явно предпочтительней. Думается, что именно это обстоятельство вызвало шквал критических обвинений по адресу И. Макарова, имевших откровенно политический смысл. Так, критик “Октября” Н. Плиско писала: “Беспристрастно анализируя психологический мир... Фёдора Михайловича, он (автор рассказа “Остров”. – Ю. Д.) заставляет читателя жалеть кулака, вызывая своим рассказом сочувствие к классовому врагу” (Плиско. – 179).

Но тщетными оказываются усилия героя в поисках жизненной опоры. Он чувствует, что столкновением с Семёном Бреевым не исчерпывается смысл его противостояния новым, противным его нравственным устоям принципам. Гнетущее чувство губительного разрушения устоявшихся общественных норм не даёт покоя герою “Острова”. “Укрепу на душе нет... душевного укрепления нет”, – в отчаянии восклицает он.

Финал рассказа драматичен: Фёдор Михайлович в исступлении убивает Семёна Бреева и сам кончает с собой. Сообщив о произошедшем, писатель не стал обозначать своё, авторское отношение к участникам классового противостояния. В рассказе нет их прямых оценок, нет явно выраженного сочувствия кому-либо из них. Но у читателя остаётся горькое ощущение совершившейся общей беды, безотрадное чувство утраты чего-то невосполнимо важного, без чего будущая жизнь, какой бы успешной она ни была, не сможет в полной мере удовлетворить человека.

В том же 1929 году в журнале “Земля советская” было опубликовано первое крупное произведение И. Макарова – роман “Стальные рёбра”, который вызвал широкий отклик в критике, оценившей его как своеобразное достижение пролетарско-крестьянской литературы. В течение длительного времени именно с этим произведением связывалось представление об особенностях творческой индивидуальности писателя.

В романе “Стальные рёбра” автору удалось правдиво запечатлеть некоторые существенные черты жизни русской деревни накануне коллективизации. Пожалуй, наиболее ярким впечатлением, которое оставляет роман, является ощущение крестьянского мира, сдвинувшегося с привычных устоев, в трудных раздумьях и драматической борьбе ищущего не только новые формы хозяйственной деятельности, но и формирующего новые принципы общежития. Переходный период в жизни деревни определил и основную тональность произведения. Всё в нём движется, клокочет, переливается, сталкивается, отражая современную действительность, в которой всё нуждается в проверке и переоценке. Однако И. Макаров показал и другое: в самой толще народного сознания живёт потребность в жизненной опоре, в том самом “укрепе”, утрату которого столь болезненно переживал герой рассказа “Остров”.

Галерея героев романа И. Макарова отражала определённую расстановку классовых сил в деревне, полюсные положения в которой наиболее ярко запечатлелись в образах, с одной стороны, коммуниста Филиппа Гуртова, с другой – кулака Андрона Шестипалого. Душевные движения и социальное противостояние именно этих типов выражены И. Макаровым наиболее рельефно.

Основное внимание автор “Стальных рёбер” сосредоточил на образе Филиппа Гуртова, поглощённого идеей созидания новой жизни в родной деревне Анюткино. Писатель сумел убедительно передать чувства человека, который страстно мечтает о будущем, но, не зная путей к нему, на ощупь ищет возможности, чтобы вытянуть из беспросветной нужды своих односельчан.

Филипп Гуртов – натура порывистая и энергичная – является, по словам рецензента, “центральным психоидеологическим и композиционным стержнем романа” (Глаголев. – С. 186). Именно с этим образом критики связывали основные достоинства произведения. А. Дивильковский, например, считал, что “во многом новая и своеобразно сильная фигура героя-коммуниста Филиппа Гуртова... заставляет выделить его (роман “Стальные рёбра”. – Ю. Д.) из общего, порядочно серого фона” (Дивильковский. – С. 217).

Роман И. Макарова привлёк внимание критики. Выступая на Первом Всероссийском съезде крестьянских писателей, состоявшемся в июне 1929 года, критик А. Ревакин отметил только что вышедший роман И. Макарова среди “лучших произведений, вроде “Девки” Н. Кочина, “Тихий Дон” М. Шолохова, “Бруски” Ф. Панфёрова, “Большая Каменка” и “Живая жизнь” А. Дорогойченко” (Пути развития... – С. 81). “Стальные рёбра” были восприняты как свидетельство того, что писатель “идёт своим путём, что можно говорить о его оригинальном творческом лице, выделяющем его из общего потока крестьянской литературы” (Плиско. – С. 177). Так были отмечены достоинства самообытного таланта начинающего писателя.

Однако в последующие годы отношение критики к произведениям И. Макарова круто изменилось. Прежде всего, значительно сократилось число критических отзывов. А в тех немногочисленных рецензиях, которые появлялись в центральных изданиях, сам тон разговора об И. Макарове приобрёл иную окраску.

Наиболее определённо негативная оценка взгляда писателя на современную деревню выявилась в выступлениях РАППовских критиков. Вульгарно-социологическая догма, согласно которой они стремились унифицировать текущий литературный процесс, была последовательно и жёстко использована при характеристике произведений И. Макарова. Например, Лидия Тоом осуждала писателя за то, что он “утверждает идею об извечной, естественной правде мужицкой жизни. По вечным, нерушимым законам природы построена эта жизнь. В глубочайшем слиянии с природой – истина мужицкого бытия” (Тоом. – С. 41). Подобный подход к изображению современного крестьянства, “явный налёт макаровщины”, по мнению Л. Тоом, становился приметой творчества целого направления в советской литературе, представленного, по её мнению, именами М. Шолохова, Ив. Катаева, А. Довженко, П. Замойского и др. Это обстоятельство весьма тревожило критика, которая считала, что “произведения, выражающие подобные настроения, объективно служат кулаку, льют воду на его мельницу... такие настроения – ошибка, которая в своём развитии может совсем привести в лагерь классового врага” (Тоом. – С. 46). Аналогичные суждения о произведениях крестьянских писателей в начале 30-х годов не были исключительными. Так, М. Чарный, рецензируя рассказ И. Макарова “Остров”, заявил, что писатель “предпочёл подойти к коллективизирующейся деревне со стороны кулака” (Чарный).

И. Макаров болезненно переживал атмосферу замалчивания, всё более распространявшуюся вокруг его произведений. В одном из писем к Ф. Панфёрову, бывшему в то время редактором журнала “Октябрь”, И. Макаров с горечью признавался: “Положение моё перед издателями и критиками какое-то опальное. Почему? Не знаю...”

Фёдор! Очень тебя прошу: помоги мне разбить это гнетущее положение. Оно меня, поверь, поверь, свалит вконец. Как писателя и друга прошу тебя. Очень прошу” (РГАЛИ. Ф. 1128. Оп. 2. Ед. хр. 263. Л. 1).

Ф. Панфёров, по-видимому, откликнулся на просьбу И. Макарова и попытался разрядить настороженно-негативное отношение критики к писателю. В конце 1933 года на страницах “Октября” появилась выдержанная в позитивном духе рецензия Я. Низовцева на повесть И. Макарова “Казачий хутор” (Низовцев. – С. 204). Однако в целом это не изменило критической ситуации по отношению к писателю.

И. Макаров принадлежал к тому типу писателей, которые не мыслили художественного творчества вне непосредственного участия в жизни народа.

Он знал современную сельскую действительность не понаслышке. Его рассказы и повести насыщены множеством деталей деревенского быта, крестьянского хозяйственного обихода, изображение которых составляет значительную часть художественного пространства произведения. Пытливый и заинтересованный взгляд прозаика отмечал факты самоуправства, жестокого давления на крестьян во время создания колхозов, порождая тревожные размышления.

Стремясь постигнуть смысл процессов, происходящих в деревне, И. Макаров в повести “Казачий хутор” (1931) сосредоточил внимание на широком изображении настроений и переживаний крестьянской массы в период организации колхозов. Из поля зрения писателя не выпали ключевые фигуры коллективизации, столь характерные для крестьянской прозы того времени. Но и в их создании И. Макаров находил самобытные художественные решения. Новые черты человеческой личности отражал он в образах организаторов и руководителей колхозного строительства. Особенно ярким и впечатляющим в этом смысле стал образ Марии Фёдоровны Плетнёвой, прозванной местным кулаком странным именем Марсагага. Плетнёва – фигура во многом характерная для колхозного романа того времени. Человек героической судьбы, участница боёв с контрреволюцией на Дальнем Востоке, за что отмечена редким в то время орденом Красного Знамени, она прислана в село Казачий хутор создавать колхоз. Этот образ напоминает чуть раньше появившихся Семёна Давыдова (“Поднятая целина” М. Шолохова), Бритвина (“Лапти” П. Замойского) и других персонажей. Но героиня макаровской повести обладает особым качеством, выделяющим её из типологического ряда. Плетнёвой присуще редкое душевное обаяние. Её поведение, поступки, деятельность по созданию колхоза исполнены деликатности и сердечной мудрости, перед которыми оказываются бессильными самые изощрённые козни противника общественного землепользования, кулака Алёши Руля. За доброту и душевную отзывчивость колхозники одаривают Марию Фёдоровну искренним уважением и любовью. “Фёдоровна, милая... Зазябла, Фёдоровна?” – заботой и сочувствием проникнуто отношение деревенских женщин к ней. Через всю повесть образ Плетнёвой, убитой по наущению кулака, проходит под знаком доверия и сочувствия крестьян.

Более ярким, чем в предыдущих произведениях И. Макарова, выглядит в повести “Казачий хутор” кулак Алёша Руль. Справедливо отметил критик Я. Низовцев: “Образы носителей идей реставрации капитализма у Макарова своеобразны. Здесь нет тех кулаков с кровожадными глазами, в бутылочных сапогах и жилетке поверх длинной рубахи, с традиционным обрезом в руках, подстерегающих из-за угла рабкора” (Низовцев. – С. 204).

Прежде всего, Алёша Руль лично значительнее и Андрона Шестипалого, и Волжина, и других врагов преобразований в деревне, запечатлённых в предыдущих произведениях И. Макарова. Герой “Казачьего хутора” умен, по-своему дальновиден, умеет использовать в своих целях особенности характеров и настроений крестьян, в том числе и коммунистов. Чего стоит, например, его безуспешная “операция” по разложению местной партийной ячейки. В Алёше особенно развито искусство социальной мимикрии. Создавая видимость доброжелателя и даже защитника советской власти, он умеет в нужный ему момент показать свою силу. При этом открывается зловещее лицо человека, готового на любой поступок в защиту своих интересов. Это по его приказу изуверски воспитанный Иёна-дурачок убил Марсагагу и изувечил батрака Ефима, это он поджёг рожь на колхозном поле. Нарисованный лаконично, но содержательно и рельефно, образ Алёши Руля не теряет своей впечатляющей силы на фоне целого ряда образов противников коллективизации, созданных писателями в конце 1920-х – начале 1930-х годов. И всё же сюжетная основа повести связана не только с развитием этих, занимающих противоположные социальные позиции персонажей. Всё более пристально всматривается теперь автор во внутренние движения, связанные с перестройкой крестьянского сознания, с поисками эффективных, рациональных форм хозяйствования и – шире – вообще жизни в новых условиях.

Писателя интересуют общие тенденции этих процессов в их конкретном проявлении в судьбах конкретных казачинцев. Через всю повесть проходят предводитель колхоза Иван Фёдорович Пустынкин, кузнец Петран, крестьянин-бедняк Егор Жинжин по прозвищу Скворец, его сын Сергей, неутомимый изобретатель и фантазёр, слепой Андрюша-гармонист, “новоявленный

безбожник” Семён Ставнов. Такое совмещение “сквозных” и эпизодических персонажей создаёт ощущение богатой человеческими типами структуры произведения. Её художественная самобытность во многом определяется сознательной авторской установкой на отражение разнообразия и сложности индивидуальных путей крестьян к новой жизни, требующих учёта обстоятельств не только социального, но и личностного свойства. И. Макаров всем строем своего повествования стремится показать, как каждый крестьянин в условиях коллективизации встал перед необходимостью переоценки не только своих хозяйственных, экономических, социальных представлений, но и бытовых, нравственных привычек и навыков. Семён Ставнов, например, некогда бывший примерным прихожанином, “самым богобоязливым мужиком на селе”, превращается “в жестокого ненавистника церкви и попов”; церковный регент Андрей Сладчайший, обладающий “первым на селе голосом”, горько переживает не столько разрушающийся среди односельчан авторитет церкви, сколько пошатнувшееся “поклонение” его действительно прекрасному голосу. Мишка Скворец становится горячим сторонником колхоза, прежде всего, потому, что там он находит применение и общественную оценку своего таланта изобретателя. Гармонист Андрюша Дубынин, ослепший в детстве от кори, мечтает о том, что, объединившись в колхоз, люди найдут “душевное присутствие”.

Аркадий Первенцев справедливо заметил, что в повести “Казачий хутор” её “якобы внешне разобщённые новеллы с введением разных лиц всё же тесно связаны общим замыслом повествования, и потому ни одно явление, возникающее на фоне переустраивающейся сельской жизни, не проходит мимо, а заставляет впечатляться ваше сердце” (Первенцев. — С. 6).

Сосредоточив внимание на изображении индивидуальных путей перестройки сознания тружеников деревни, И. Макаров не упустил из виду и общих социально-экономических её закономерностей. В повести “Казачий хутор” запечатлелись факты острых классовых столкновений, раздирающие душу переживания и тревоги крестьянина, расстающегося с нажитым собственным трудом хозяйством.

Писателю важно было показать, что современная русская деревня — это не замкнутый мир, живущий по своим имманентным законам, озабоченный исключительно своими крестьянскими заботами. Деревня в “Казачьем хуторе” предстала средоточием социальных и нравственных процессов, имеющих общенародное значение. Её внутреннее состояние, её тревоги и беды находятся в прямой зависимости от политических решений руководства страны. Диктуемые сверху указания не соотносятся с реальными потребностями и интересами крестьянства, что вызывает бурную, подчас крайне острую реакцию сельских жителей. А сами эти указания и непосредственные их носители, как показано в повести, вызывают у земледельцев не только скептицизм, но и негодование. В главе “Преломление действительности” И. Макаров в явно сатирическом ключе нарисовал образ Исаея Селестиновича Трындрковского, выдающего себя за представителя власти не то от “Сырмаслоцентра”, не то от “Центрсыромасло”, — короче говоря, “от учреждения с весьма путаным, туго запоминающимся, но очень выразительным названием”. Трындрковский в изображении писателя — фигура не только сатирическая, но и, несомненно, злобная. Он из тех ретивых чиновников-самозванцев, которые, прикрываясь демагогией, готовы во имя политических дивидендов осуществить любое директивное указание, доведя его при этом до абсурда. И. Макаров запечатлел в этом образе не частное явление, он затронул первоосновы советской бюрократической системы, усилиями которой осуществлялась коллективизация. Не случайно эта глава была напечатана только в журнальном варианте повести “Казачий хутор”, во всех последующих отдельных изданиях произведения, в том числе и в вышедшем уже в 1970 году, она была изъята.

Писатель не ограничился изображением рядового активиста административно-командной системы. Трындрковский, оказывается, то ли выдаёт себя за приближённого к высшим руководящим кругам партии и государства, то ли на самом деле им является. Он, например, заявляет, что ему известны бытовые подробности жизни Н. И. Бухарина, ему доступно даже общение со Сталиным. Он заверял также, что Иосиф Виссарионович Сталин до того напряжённо работает, что нередко спит не раздеваясь, в своей любимой зелёной солдатской гимнастёрке и в сапогах: “Сколько ни уговаривай отдохнуть — всё одно!” —

сокрушённо восклицал он. И выходило, что чуть ли не сам он, Исай Селестинович Трындковский, уговаривает Иосифа Виссарионовича Сталина отдохнуть от напряжённой работы”.

В этом типе с очевидностью доминируют хлестаковские наклонности. Но Трындковский – это не просто удачливый плут. Его амбиции куда более масштабны. Он ощущает себя выразителем воли административной системы, имеющим полномочия и право повелевать крестьянской массой. “Как у вас преломляется в действительности указание ЦК партии?” – строго вопрошает он, огорошивая слушателей таящимся в самой интонации вопроса обвинением. И. Макаров точно, можно сказать, на многие годы вперёд уловил действие самого механизма психологического воздействия на человека тоталитарной системы. Подобного рода вопрос, хотя и в других формулировках, в нашей стране на протяжении десятилетий нередко выполнял роль непререкаемого аргумента во взаимоотношениях человека и государства. Разумеется, образ Трындковского в повести И. Макарова не претендует на объёмность и психологическую мотивированность, но писателю важно было, пользуясь приёмами гротеска, наметить контуры этого зловещего типа.

Может показаться, что фантазии Трындковского характеризуют исключительно его самого. В действительности это не так. В ряде других эпизодов повести И. Макаров акцентирует детали в поведении персонажей, свидетельствующие о явно сниженном, если не враждебном отношении крестьян к деятелям советской административной системы вообще. В повести несколько раз упоминается Сталин, и каждое из этих упоминаний весьма далеко от умиления и подобострастия. Так, в одной из глав сообщается о том, что богомольная жена одного из героев “сорвала из переднего угла портреты Ленина и Сталина, только утром в тот день купленные у навязчивого издательского агента, посетившего Казачий хутор. Разрезав портреты поперёк, она приставила голову Ленина к ногам Сталина, а ноги Ленина – к голове Сталина, разложила всё это на широкой лавке, а в угол повесила икону, нарочито занятую для этого случая у соседки”.

Но всё-таки центральной проблемой, в той или иной мере волнующей практически всех персонажей повести, главной заботой крестьян-казачинцев остаётся необходимость выбора приемлемой формы хозяйствования на земле. Всем очевидно, что привычная единоличная обработка своего земельного надела для большинства беднейшего крестьянства не является выходом. Но и перспектива расставания хотя бы и с небольшим, нажитым собственным трудом хозяйством и добровольной передачей его в колхоз пугает многих своей неопределённостью. Тем более что первые организационные попытки объединения усилий, лишённые возможности использования какого-либо опыта, оказываются столь очевидно провальными, что не могут не вызвать у крестьян разочарования и противодействия.

Некоторые драматические эпизоды колхозного строительства столь многозначны, что приобретают символический смысл. В самом начале заключительной главы повести, названной “Сложение сил”, сообщается о том, что “казачинские мужики забраковали колхозный трактор”. Как известно, возможность обработки земли сельскохозяйственной техникой использовалась агитаторами в качестве важнейшего аргумента в пользу колхоза. А в Казачьем хуторе и с этим доводом случился провал: “Окончательно оконфузилась колхозная машина на попытке вспахать выгон Олех”. Способность поднять спрессованную столетиями целину выгона воспринималась казачинцами как показатель плодотворности самой идеи коллективного хозяйствования. Крестьяне гадают: под силу ли этому “железному коню” поднять “извечно заросшую бурьяном и мелким коряжистым кустарником” почву? Исход кажется предreshённым: “Все были уверены, что целина ляжет пластами под сокрушительной тяжестью... плуга”. Но вот на крутом склоне трактор неожиданно переворачивается и, съехав под обрыв, медленно оседает в речной трясине, вдавливая туда содрогающееся тело тракториста.

Несомненно, этот эпизод в повести имеет глубоко символический смысл. Словно бы случайная, нелепая смерть человека у самых, так сказать, оснований только что созданного колхоза воспринимается не иначе, как показатель непомерной платы за бездушное вмешательство в крестьянскую жизнь, как намёк на изначальную ущербность насильственной коллективизации. Конечно, выгон Олех всё-таки был сокрушён. Для этого из соседнего Еголдаевского

совхоза пригнали “хрипящую пропастину” – “огромный гусеничный трактор... похожий на танк”. Однако никому из казачинцев это не принесло не то что радости, но даже удовлетворения, ибо все помнили, что за него заплачена слишком высокая цена – человеческая жизнь.

Потрясённый гибелью человека не менее своих односельчан, председатель колхоза Пустынкин как бы машинально проговаривает слова, вошедшие в обиход того времени как объяснение трагических утрат, порождённых социальными экспериментами: “Издержка истории”. Далее следует диалог с одним из крестьян:

– “Какая издержка? – тихо спросил Балака.

– Издержка на историю, называется. По-научному так, Балака.

– Учёные – они... чудаки. Человека машиной навсегда в тину замяло, в воде захлёбывается, дрожит в последний раз, а по-ихнему – одно пустое слово, то есть издержка истории. И ведь какое утешительное слово придумали! – допытывался Балака”.

Ясно, что здесь писатель подходил к осмыслению не только правомерности тех или иных форм устройства деревни, но и неких основополагающих принципов жизни общества. Пророческий смысл его тревог и волнений воспринимался идеологически опасным и через десятилетия, когда переиздавалась повесть “Казачий хутор”. Не случайно горькие слова крестьянина о расхожей формуле “издержка истории”, как и многие другие эпизоды, изъятые в первом её издании, так и не были восстановлены.

Картина коллективизирующейся деревни, нарисованная И. Макаровым в повести “Казачий хутор”, не создаёт, конечно, законченного и полного представления обо всех значимых тенденциях и направлениях её жизни в ответственный и драматичный период её развития. Однако писатель не ставил перед собой такой всеобъемлющей задачи. Выбрав для своего произведения жанровую форму повести, И. Макаров мастерски использовал её возможности в изображении ряда локальных, но содержательных жизненных эпизодов, осветив изображённый им мир проникновенным и искренним чувством талантливого художника-реалиста.

II

В 1932 году И. Макаров поселился в деревне Новое Лукино в Калининской (ныне – Тверской) области. Здесь он написал роман “Чёрная шаль” (1933), несколько рассказов, здесь он начал работу над романом “Голубые поля”. Со всей страстью пылкой натуры писатель погрузился в повседневные дела и заботы местного колхоза. Кажется, не было такого занятия, мимо которого он мог пройти равнодушно: он работал в поле, косил, заготавливал лён, выступал на заседаниях правления, пытался разрешать деревенские конфликты, но главное – внимательно изучал обновляющуюся деревню, отмечал перемены во взаимоотношениях людей, в их внутреннем мире. Пристально всматриваясь в конкретные явления текущей действительности, И. Макаров стремился постигнуть её общие тенденции и направления. Писателю было над чем подумать. Искусственно форсированный процесс коллективизации к этому времени был объявлен в основном завершённым. Официальные декларации оповестили о полной победе колхозного строя. Между тем, реальное положение в деревне оставалось чрезвычайно сложным.

И. Макаров болезненно переживал драматизм этой ситуации. О настроениях писателя той поры красноречиво свидетельствуют немногочисленные сохранившиеся его письма. В начале 1933 года, обращаясь к своему старшему товарищу по литературе И. М. Касаткину, он писал: “Я вам расскажу такой материал о колхозах, что у Вас волосы зашевелиются. Вам это не вредно узнать и как писателю, и как старейшему члену ВКП(б)” (РГАЛИ. Ф. 246. Оп. 1. Ед. хр. 75. Л. 2).

Писатель имел в виду не только факты жестокого насилия над крестьянами во время раскулачивания, но и необратимые процессы разрушения общественного сознания. Процесс коллективизации подрывал авторитет устоявшихся, традиционных норм морали. Со дна общественной жизни деревни поднялись на её поверхность и агрессивно заявили о себе те её элементы, которые были носителями деклассированной психологии. Особенную активность они проявили в период раскулачивания, но и после создания колхозов

отнюдь не умерили свои претензии. Ловко манипулируя приёмами социальной демагогии, используя для распространения клеветы органы печати, они повели борьбу с теми здоровыми силами, которые в деревне ещё уцелели. Обнаружив в крестьянской среде этот новый тип захребетника и рвача, И. Макаров одним из первых запечатлел его в художественном произведении. В рассказе “Дело № 471” он создал зловещий образ сельского проходимца Лукашина, который, кичась своим бедняцким происхождением, при помощи искусно сфабрикованных доносов терроризирует наиболее активную часть колхозников, в том числе и председателя – рачительного и умного Василия Королёва, что, по сути, создало предпосылки для развала колхоза.

Выразительно и точно отразив в рассказе приметы этого явления в деревенской жизни, И. Макаров недооценил его возможности и масштаб. Вскоре он и сам оказался его жертвой. 16 декабря 1934 года в “Литературной газете” было напечатано “Письмо колхозника” под броским названием “Он приносит нам вред”. В публикации утверждалось, что “писатель Макаров Ив. Ив. . . устраивает наши колхозные ряды, за счёт колхоза. . . устраивает своё благополучие. . .” Подобный же сигнал был напечатан и в “Правде”. “Делом” И. Макарова вынуждены были заниматься руководители Союза писателей СССР, и, хотя факты, приведённые в письме, не подтвердились, всё же секретариат ССП вынес ему “предупреждение о недопустимости сделанных им ошибок, дискредитирующих звание советского писателя” (Литературная газета. – 1935. – 5 февраля. – С. 4). Через два с лишним года эта история будет вытаскана на свет и наряду с идеологическими обвинениями составит теперь уже политическое дело И. Макарова.

И. Макаров – художник крутых жизненных поворотов, значительных социальных потрясений. События войны и революции, коллективизации и промышленного строительства определяют ту жизненную почву, которая питала его творчество. Однако уже в первых его произведениях – рассказах и романах – выявился и особый угол зрения, “авторская сторона интереса”. Писатель не стремился создать целостную картину события, запечатлеть с максимальной точностью историческую соотнесённость фактов и обстоятельств. Его привлекало другое – сознание, внутренний мир человека, ставшего свидетелем и участником исторических событий.

Не случайно большинство произведений И. Макарова написано в форме повествования от первого лица. Писатель максимально усложнял свою задачу. Он доверял вести повествование самым разным персонажам, представляющим порой нравственные и политические позиции, весьма далёкие от авторских. При этом голос рассказчика, кому бы он ни принадлежал: тюремному надзирателю или озверелому бандиту, далёкой от политики крестьянке или коммунисту-руководителю крупной промышленной стройки – так мастерски корректировался искусно расставленными в произведении идейно-нравственными ориентирами, что читатель не сомневался в определённости авторского отношения к изображаемому.

Наблюдения над стремительно меняющейся действительностью, собственный горький опыт постижения современной деревни писатель соотносил с общими тенденциями народной жизни. Это вызывало потребность обращения и к недавней, и к более удалённой истории. Первая попытка такого рода – роман “Чёрная шаль” (1933). Это яркое, самобытное произведение не только по особенностям стиливой манеры, но и с жанровой точки зрения. Повествование в романе основывается на ассоциативных воспоминаниях и эмоционально экспрессивных размышлениях “самой простой крестьянки Р-нской губернии села Журавинки” Прасковьи Горяновой. Автор не скрывает, что в основе замысла произведения лежит определённая условность, художественный приём, допускающий использование вымысла. Конечно, откровенно придуманной является история возникновения самой идеи описания крестьянкой своей трагически изломанной судьбы. Как будто в тюрьму для бесед с приговорённой к расстрелу участницей антисоветского восстания выстраивается очередь из “газетчиков, литераторов-поэтов и просто всяких”, призывающих её “описать хотя бы кое-как, с пято-на-десято, а мы уж, дескать, по литературному всё подклеим и подмажем, получится, дескать, что-то особенное, потому что, если литературно описать мою хронику, со всякими такими поправками и приперчиваниями, то, как они уверяли друг друга, и “самого графа Толстого можно за пояс заткнуть”. Упоминания об этих “газетчиках-

литераторах”, якобы мечтающих запечатлеть в слове похождения государственной преступницы, ещё не раз появятся на страницах романа, напоминая читателю об определённой условности повествования. Однако сам рассказ Прасковьи настолько проникнут интонацией душевной искренности, что читатель как бы забывает об этом элементе условности, полностью доверяясь проникновенному голосу героини.

В трагически изломанной судьбе героини романа крестьянки Прасковьи Горяновой отразились необыкновенно сложные, противоречивые процессы, охватившие русское крестьянство накануне Октября и в годы гражданской войны. Ведомая голосом любящего материнского сердца, Прасковья вслед за своим сыном проходит, кажется, по всем кругам человеческих испытаний. Натура сильная, порывистая, она всякий раз оказывается в центре драматических событий: то её избирают председателем комбеда в родной деревне, то она участвует в возглавляемом эсерами мятеже, то сама собирает антисоветскую банду. Само по себе обращение к такой трагической судьбе в общественной атмосфере начала 30-х годов требовало немалого мужества.

В самом факте публикации романа “Чёрная шаль”, кажется, есть определённая интрига, в которой отразилось своеобразие общественной, в том числе и литературной, ситуации того времени. Роман И. Макарова был напечатан в журнале “Октябрь” в 1933 году. Нельзя не вспомнить о том, что незадолго до этого, в 1932 году в этом же журнале с 1-го по 10-й номер публиковалась завершающая часть 3-й книги романа М. А. Шолохова “Тихий Дон”, в которой повествовалось об одном из крупнейших антисоветских выступлений 1919 года – о Верхне-Донском (Вёшенском) восстании казаков. В то время, когда выходил из печати 10-й номер “Октября” с завершающими главами “Тихого Дона”, на редакционном столе журнала уже лежал новый роман, значительная часть которого была посвящена другому выступлению русского крестьянства против советской власти. То была “Чёрная шаль” Ивана Макарова.

В отличие от Шолохова, изобразившего Вёшенское восстание объективно-исторически, И. Макаров запечатлел события 1918–1920 годов в субъективно-эмоциональном восприятии повествователя и главной героини романа, простой русской крестьянки Прасковьи Горяновой. Писатель не ставил своей задачей создание реалистически достоверной картины последовательно развивающегося процесса возникновения предпосылок народного негодования, нарастания и хода вооружённых столкновений, трагически беспощадного подавления мятежа. Исторические и пространственно-географические приметы разворачивающихся событий автором тщательно замаскированы. Даже о том, что речь идёт о событиях, предшествовавших печально знаменитому Тамбовскому восстанию, читатель может только догадываться по некоторым как будто случайно оброненным сведениям. В романе указывается, например, на то, что село Журавинка, где разворачивается основное действие, находится сравнительно недалеко от Тамбова. Именно в Тамбов из родных мест Прасковьи, “почитай, за триста вёрст” перегоняется табун мобилизованных для участия в Первой мировой войне лошадей. Да и характер восстания, его руководящие и движущие силы, как они изображены в “Чёрной шали”, соответствуют реальным обстоятельствам Тамбовского восстания.

События, связанные с восстаниями 1918–1922 годов в Центральной России – в Рязанской и Тамбовской губерниях, – имели для И. Макарова особое значение. Он стал свидетелем крестьянских бунтов ещё в 1918–1919 годах, будучи учащимся Рязской мужской гимназии. Несколько позднее – в 1921–1922 годах – как работник Раненбургского уездного комитета комсомола он направлялся политруком частей особого назначения для борьбы с отрядами повстанцев в Тамбовской губернии. Бывший секретарь Раненбургского уездного комитета комсомола М. Воробьёв вспоминал: “В апреле 1921 года нам, бойцам ЧОНа, пришлось не раз совершать походы к местам, где, по данным разведки, могли появиться банды Антонова”. В этих операциях принимал непосредственное участие и И. Макаров. Впечатления от наблюдаемых им событий народного восстания для него, искреннего защитника советской власти, сотрудника коммунистической молодёжной организации, оставили в душе писателя болезненный след, стали источником мучительных переживаний о трагических судьбах своих земляков, о многострадальной доле русского крестьянства. Не случайно обстоятельства Тамбовского восстания отдельными штрихами запечатлелись в разных его произведениях. Так, в повести “Рейд

Чёрного жука” один из персонажей по имени Ананий — “бывший антоновец. . . с Антоновым он разошёлся “по-идейному” — имел свой отряд, действовавший “сапаратно”, поёт “антоновскую песню”:

*То ли солнышко не светит,
Над головушкой туман,
То ли пуля в сердце метит,
То ли близок трибунал.*

*Не к лицу нам покаянье,
Коммунист — огонь, огонь.
Мы бессмертны, до свиданья!
Трупом пахнет самогон.*

Немало примет “антоновщины” и в романе “Чёрная шаль”. Вот, например, какой видит Прасковья Горянова отряды своей, как она выразилась, “метёлкиной армии”, с которой сражались регулярные части Красной армии: “Я уже объявила, что мобилизованы у нас были все поголовно от 18 до 40 лет, кто с чем попало. . . Наше оружие, вооружение этой нашей “метёлкиной армии” собрать бы сейчас, да в музей какой-нибудь поместить: вилы, лопаты, скряжки, косы, прикрученные к ручке в прямом положении, крючья, что солному дёргают, остроконечные пешни на длинных палках, вроде пик. . . Ну, куда, куда это “метёлкина армия” высыпала со всех сторон? Куда лезли эти разнопёстрые толпы?. . . прут прямо под пулемёты — мужики, бабы, девки. . .”. Рассказчица даже боится вообразить, что случится, если со стороны правительственных войск “приказали бы палить по нашим “метёлкиным войскам”? Что бы тогда? Поле, землю бы унавозили нами, нашими костями и кровью — и всё”. Между тем, реальные участники тех событий хорошо знали, что именно так и произошло: против взбунтовавшихся крестьян было применено всё имевшееся в распоряжении армии оружие, не только тяжёлая артиллерия, но и — впервые в истории против гражданского населения — ядовитые газы. Знал об этом и И. Макаров. Поэтому, думается, представление рассказчицей жестокой расправы над участниками стихийного крестьянского бунта как ситуации совершенно невероятной со стороны советской власти использовано писателем в качестве своеобразного приёма, имеющего целью не только преодоление претензий со стороны цензуры, но и, главное, изображение хотя бы таким — завуалированным — образом некоторых реальных обстоятельств запрещённого для упоминаний народного восстания. Для усиления эмоциональной поддержки этой авторской “хитрости” в уста главной героини вложена якобы её собственная чрезвычайно экспрессивная оценка восставших: “Я бы на его месте (на месте красного командира. — Ю. Д.), ей-богу, ахнула бы снарядом, чтоб рассеялись все, да и не мешали”.

В романе “Чёрная шаль” повествование о контрреволюционном выступлении крестьянства доверено человеку, представляющему интересы самых массовых слоев восставших. Прасковья Горянова вовлечена в “политику-переливку” как будто случайно, следуя зову любящего материнского сердца по извилистому пути сына, Петра Горянова. Но и в этих её совершенно личностных устремлениях запечатлелись глубинные и искренние мотивы и переживания женщины-крестьянки. Тем более пронзительны и впечатляющи они для читателя.

И. Макаров во всех своих произведениях стремился нарисовать образ крестьянина как глубоко и сложно мыслящей, тонко и оригинально чувствующей личности. Всем пафосом своего творчества он утверждал необходимость бережного отношения к крестьянству, к его внутреннему миру, к его насущным потребностям как залогом всеобщего благополучия. В романе “Чёрная шаль” эта тревожащая писателя мысль обнаженно выражена в словах героини: “Да и как же мне не “раскрыть”, не разоблачить это своё “нутро”, если я того лишь хочу, затем лишь и хронику свою затеяла, чтоб отмеченные, большие люди учли всё это наше нутро, измерили бы его вдоль и поперёк да так бы все распланивали это нутро, так бы его направили. . . чтоб предотвратить, предупредить те бесчинства, то убийство, то кровопролитие, которые через это моё (а стало быть, и наше) нутро приключились!”

Замысел автора не ограничивался объективным описанием событий, участницей которых стала его героиня. Ему важно было осмыслить глубинную сущность этих событий. Основное внимание писателя сосредоточено на широком изображении мучительных поисков крестьянством твёрдого, надёжного пути в будущей жизни, на трудных раздумьях о смысле и причинах тяжкой хлебоборобской доли. Наученная горьким опытом обмана, насилия, обид, которым подвергалась она и её односельчане, Прасковья Горянова больше всего не приемлет равнодушия и покорности, в них она видит истоки всех бед. Наблюдая за огромным табуном “совсем голодных лошадей”, она с горечью вынуждена признать, “что все люди, все-то мы как раз похожи на этих лошадей: идём-бредём покорно, смиренно, ни вбок, ни назад, ни в сторону, как тронулись, так и течём. А у нас уж и ноги дрожат, а на нас, живых, уж и ворона примостилась да своим железным клювом выстукивает нам голову, заранее кусочек лакомый облюбовывает...”

Роман “Чёрная шаль” оказался почти совершенно обойдённым критикой. Послевоенные рецензенты склонны были объяснять причины “невнимания” современной И. Макарову критики к его романам “пристрастием писателя к так называемому “психо-иррациональному” методу изображения внутреннего мира человека” (Козлов. — С. 187), то есть в стремлении писателя отразить подсознательные, не подвластные здравому смыслу, мотивы поведения и деятельности героев. В этом “грехе” авторы немногочисленных рецензий конца 1920-х — 1930-х годов считали повинной ориентацию И. Макарова на стиль Ф. М. Достоевского. Между тем, для И. Макарова обращение к творческому опыту классика не было стремлением к стилизации. Писатель не скрывал своей учёбы у классика, творческий метод которого привлекал его своими возможностями проникновения в самые потаённые глубины человеческой души.

В действительности безмолвие критики 1930-х годов по отношению к “Чёрной шали” И. Макарова имело отнюдь не творческие причины. После успешной публикации на страницах журнала “Октябрь” роман был принят к производству в издательстве “Советский писатель”, однако, когда книгу подготовили и уже напечатали, по чьему-то приказу весь её тираж был уничтожен. Для такого действия нужны были весьма серьёзные основания. Конкретные мотивы уничтожения книги И. Макарова не известны нам и сегодня, однако нет сомнения, что они основывались на категорическом неприятии исторической и идейно-политической концепции произведения. Этим же определялась и первопричина заговора молчания литературной критики. Отдельным изданием роман “Чёрная шаль” вышел лишь через тридцать с лишним лет, в 1970 году.

Русская проза второй половины 1930-х годов, одним из лидеров которой был И. Макаров, начала освобождаться от упрощённого взгляда на ценности народного бытия. Если авторы “колхозных романов” в 1920-е годы были увлечены пафосом депоэтизации деревни, то их последователи, напротив, сосредоточили усилия на выявлении, прежде всего, её плодотворных начал. Эта тенденция в изображении деревни стала одной из форм проявления определённой системы взглядов, основой которой явилось представление о самоценности крестьянской жизни. В сельском труженике писателей начинают привлекать, прежде всего, качества рачительного хозяина, знающего, опытного земледельца, человека, обладающего чувством собственного достоинства. Процесс возрождения в крестьянине его трудовой сущности выдвигается в центр внимания деревенских прозаиков.

Одним из наиболее значительных произведений о русском крестьянстве, созданных во второй половине предвоенного десятилетия, является роман И. Макарова “Голубые поля”. В творчестве самого писателя, по справедливому суждению критика, он “может считаться своего рода синтетическим. В нём писатель как бы подводит итоги собственных творческих исканий... Роман — самое крупное достижение И. Макарова как мастера. Лучшие стороны дарования писателя проявились здесь с наибольшей силой” (Козлов. — С. 188). Многолетние раздумья художника об исторических путях русского крестьянства после революции, о сложных изменениях в его духовном мире наиболее полно запечатлелись в этом произведении. Судьба романа оказалась драматичной. Его повествование оборвалось на полуслове.

Автор “Голубых полей” после политической и нравственной реабилитации предстал перед читателем нового времени — в конце 1950-х годов — зрелым

и самобытным мастером. Язык романа отличается чистотой и ясностью, он лишён той искусственной изощрённости, которая была свойственна некоторым ранним его произведениям. В “Голубых полях” И. Макаров избегается и от излишеств “психокопательства”, которым он, по собственному признанию, отдал дань в ранних произведениях, в частности, в повести “На земле мир”. В новом романе писатель стремился показать преобразования в деревне не только в их современном проявлении, но и в истоках — как определённый этап развития процессов, порождённых революцией. “Голубые поля” отличаются широтой повествования. И. Макаров запечатлел историю рязанского села Кирюшино на протяжении 30-ти с лишним лет. Три части романа отражают важнейшие этапы судьбы русского крестьянства, которые были связаны с Октябрьской революцией, коллективизацией, становлением нового крестьянского — теперь уже колхозного — бытия. Романиста привлекала задача обнаружения внутренних связей, скрепляющих жизнь крестьянства даже в самые драматические моменты его истории. В самом начале романа один из его героев — Пётр Сипаев — заявил: “Власть мы устанавливаем не для дележа, а на сложение”. В действительности осуществление этой задачи оказалось отодвинутым на многие годы: образы и мотивы, отразившие внутреннее движение духовной жизни народа, передают её напряжённость и драматизм.

В третьей части “Голубых полей” писатель сосредоточил внимание на формах жизненных отношений, появившихся в результате преобразований в деревне в советское время. Изменения проникли в самые потаённые уголки кирюшинской жизни. Их определяет теперь даже звуковой фон повседневных забот: “Не пересчитать новых, отменных звуков в Кирюшине: в разных концах, в восьми избах звучит либо труба, либо барабан. По шоссе мчит автомобиль и гудит своим голосом, около МТС почти всегда трещит трактор, четыре раза в день гудит тоненький гудок на льнозаводе, четыре раза в день у кирюшинского пожарного сарая звонят в колокол — колхозникам на работу, — не пересчитать теперь всех новых звуков в Кирюшине”. Но отношение автора к этой новизне не является однозначным. Писатель замечает, что эта разногласица лишена гармонии. Такая же пестрота, сумбурность, кажется, проникла и в души людей, определила их интересы и привязанности. С раздражением и тревогой вслушивается секретарь райкома партии Григорий Сипаев в шум молодёжной гулянки: “Поют они похабщину, частушки, всякую дребедень. Просто с души рвёт от их безголосости, от визга, от тупого идиотизма их частушек”. И. Макаров вовсе не склонен к однозначной, только лишь позитивной оценке установившихся в деревне отношений. Его герои с горечью ощущают агрессивное вторжение в современную жизнь “нескладной кирюшинской трапаты”.

Однако в этом многоголосом хаосе новой жизни оказывается не вытравленной мелодия, в которой воплотилось то ценное, что веками вынашивалось в народном сердце: “За окном вдруг чистейшим тенором кто-то ахнул расчудесную старинную песню “Дороженька”... Из самой души вскрикнул этот голос, сразу завладел вскиной, всей весенней ночью и сверху вниз от захватывающих тревожных вскриков к мягкому плавному рокоту, извечному и волнующему, ведёт песню”.

Возможность возрождения духовных традиций народа воспринимается в романе И. Макарова как залог восстановления разрушенных нравственных связей, утверждения единства и целостности общества. В сельском труженике писателя привлекают, прежде всего, качества рачительного хозяина, знающего, опытного земледельца, человека, обладающего чувством собственного достоинства. В центр романа “Голубые поля” И. Макаров выдвинул ключевую фигуру современной деревни — крестьянина-середняка Ивана Егоровича Сипаева. В образе, созданном писателем, нет идеализации. В суровых тонах выдержано повествование о судьбе человека, который на протяжении десятилетий в ежечасной борьбе за существование, под постоянно висящей над его семьёй угрозой обнищания, сам надрываясь на пашне, доводит до истощения в тяжкой работе всех своих домочадцев. При этом он готов поступиться, хотя и не без тайного сожаления, общепринятыми в крестьянском мире нравственными правилами. Он попрекает куском хлеба оставшуюся на его попечении семью брата, сосланного за участие в забастовке; он усиленно лебезит перед каждым, от кого оказывается в зависимости.

Эволюция центрального образа романа связана с надеждой на возможность реализовать задавленные нуждой и насилием способности земледельца и хозяина и тем самым восстановить авторитет крестьянина как разумной и трудолюбивой творческой личности. Писатель акцентирует внимание именно на этой стороне характера персонажа: на причудливом переплетении в его душе противоположных до, казалось бы, несовместимости черт личности. Как верно заметил об Иване Сипаеве один из рецензентов романа, писатель более позднего поколения “деревенщиков”, Ефим Дорош: “Он жесток и жалок, он труслив и предприимчив, он жаден и смешон. И в то же время он — человек, испытывающий и тоску, и жалость к ближним своим, исполненный каких-то стремлений, мечтаний, жаждущий не только достатка, но уважения. Наконец, он и хитер, и дело своё мужицкое знает” (РГАЛИ. Ф. 1234. Оп. 18. Ед. хр. 740. Л. 15). И. Макарову удалось показать весь этот сплав человеческих свойств в одном достаточно цельном характере. Причём показать в развитии. Ярче и полнее всего перемены в поведении и сознании Ивана Егоровича проявляются в его отношении к коллективному хозяйствованию. Нелегко далось крестьянину-средняку осознание необходимости расстаться со своим, хотя не таким уж и зажиточным хозяйством, чтобы передать его в неведомое общее пользование: “Он, как и большинство кирюшинцев, был против колхозов. Зачем они ему? Ведь он уж почти прилачился к жизни, и, если бы удалось, если бы хватило силёнок и удалось бы счастье Божье, он бы не хуже других сумел огребать барыши”.

И. Макаров не упростил картину духовного развития своего героя. Мучителен процесс его нравственного возрождения. Кажется, не столь уж и значительны перемены в его характере, каким он изображён в финале романа. В нём причудливо переплелись и преобразовались черты, свойства, рождённые прежней жизнью, и новые качества: “Как это удивительно сочетается в нём вся его показная мелочность с крепкой хозяйственной сметкой, с его характером, которым он спаял вокруг себя колхозников!” Но это уже новый характер, в котором осуществились здоровые устремления труженика, всегда (хотя бы и подспудно) существовавшие в макаровском герое.

Роман И. Макарова “Голубые поля” свидетельствует о том, что, сколь бы глубокими и необратимыми ни были последствия коллективизации, их переживанием и осмыслением не исчерпывалось духовное самосознание крестьянства в 1930-е годы. Хотя и потревоженная в самой основе, жизнь продолжалась, ежечасно рождая новые заботы, требуя от людей усилий по восстановлению порушенных устоев, по формированию новых общественных отношений.

Однако роману И. Макарова “Голубые поля” не суждено было дойти до читателя предвоенных лет. Он остался незавершённым. Его чудом уцелевшая рукопись только через два десятилетия была передана в издательство вдовой писателя В. В. Макаровой-Вонлярлярской.

III

Последним крупным произведением И. Макарова, вышедшим отдельным изданием при жизни автора, стал роман “Миша Курбатов” (1936). Он является, пожалуй, наиболее развёрнутым выражением социальных и нравственно-философских взглядов писателя. В романе нарисована впечатляющая картина строительства одного из гигантов советской металлургии — Магнитогорского комбината, переданы характерные черты быта и взаимоотношений его строителей, запечатлены неповторимые особенности их внутреннего мира. Но основной пафос “Миши Курбатова”, главный мотив, определяющий глубину его проблематики, заключается в ином — в яростном споре о сущности и назначении человека, об уникальности движений его души, в страстном утверждении безусловной приоритетности гуманистических ценностей.

По своим сюжетно-композиционным особенностям, свойствам образной системы “Миша Курбатов” лишь на первый взгляд органично вписывается в круг произведений конца 20-х — начала 30-х годов, которые в критике получили наименование “романов о социалистическом строительстве”. Произведение И. Макарова заметно расширяет сложившееся представление о проблематике и художественном своеобразии прозы такого рода. Традиционный для литературы того времени сюжет писатель использовал как основу для размышлений о соответствии социальных проектов — даже самых привлекательных

на вид – истинным потребностям человека. Сама идея сооружения металлургического комбината приобретает в романе неоднозначную оценку. Уже в начале произведения на пути у руководителей будущего промышленного гиганта – отца и сына Курбатовых – оказывается безымянный “бородатый и босой” мужик. Широким жестом обведя бесконечные штабеля строительных материалов, он с мрачной убежденностью пророчит: “Железо хотите строить? А Расея железо примет? Вы у Расеи спроситесь: нужно ли ей ваше железо? У Расеи ну тро не лежит к железу! Дай ты ей мирную жизнь, и на весь она тебе мир народит хлеба, и баранов, и быков. Дай ты ей мирную жизнь, если ты есть самая любезная ей власть – о народе попеченье!” Отнюдь не оговорка автора – как бы вскользь упомянутое землячество этого мужика: он из Тамбовской губернии. Очевидно, тяжёлой душевной раной и источником горьких переживаний стала для И. Макарова память о тамбовском восстании крестьян, в подавлении которого в ранней юности ему довелось принять участие. Не случайно именно в уста мужика-тамбовца вложено писателем грозное предостережение: “...Только ты помни: раз мужик против железа, то – капут. Всё – в погиль! – яростно крикнул тамбовец и в заключение опять прибавил: – А мужик – против!”

По своим жанровым свойствам роман “Миша Курбатов” близок к философскому роману в том его изводе, который характерен для отечественной прозы предвоенного десятилетия. В сущности, это произведение – широко развернувшаяся дискуссия о состоянии и перспективах строящегося нового социалистического общества. И. Макаров со свойственной ему смелостью вкладывает в уста и помыслы своих персонажей нередко полярно противоположные оценки самых драматических событий современной действительности. Диапазон их мнений необычайно широк: от яростной защиты официально декларируемой точки зрения до столь же неистового её опровержения. Особенно показательны в этом смысле дискуссионные схватки на так называемых “Ерёминских четвергах”, собираемых еженедельно на квартире бывшего политкаторжанина Ивана Фёдоровича Ерёмина. Сам Ерёмин, смирившийся со своей участью “бывшего” (судя по всему, ранее он входил в партию эсеров), тем не менее, не упускает возможности скептически отозваться о самых грандиозных планах большевиков. Он, например, не без успеха убеждает малоопытного Мишу Курбатова в ущербности перспектив развития советской экономики: “Вот по плану мы теперь строим гиганты добывающей промышленности, отодвинув обрабатывающую промышленность на второй план. Ладно. План выполнен. Мы залили страну сырьём, полуфабрикатами; говоря проще – устелили всю Россию чугунами и стальными чушками, в две-три тонны весом каждая, да ежегодно будем подкладывать ещё по столько... Чугун, железо, сталь – пятьдесят процентов, сто процентов, двести процентов, тысяча процентов, миллион процентов – вот и социализм. Коротко: всё железное, и ни одной яблони. Гармонь тебе, юноша, тоже железную. Сапоги, шапку и брюки тоже железные. И хлеб будет железный. Ну, ты не бойся, юноша, зубы тебе вставят тоже железные – угрызёшь”.

Более того, именно Еремину принадлежит в романе убийственная характеристика социально-исторических результатов деятельности правящей партии. В полемике с секретарём горкома партии Гелинским он восклицает: “Вы, ей-богу, черти, большевики... Вы Россию, точно студент Раскольников старуху-ростовщицу, хотите угробить да её капиталами по-своему распорядиться...”

В романе из уст представителей технической интеллигенции, участвующей в строительстве металлургического комбината, звучат весьма смелые оценки деятельности партии и её членов – коммунистов. Так, инженер Сукнов на одном из “Ерёминских четвергов” вступает в спор с секретарём горкома партии Гелинским о личности коммуниста, утверждая: “Все вы, коммунисты, не такие, какими нарочно кажетесь. Люди вы или нет? Люди. А если люди, то и поступки ваши должны быть людскими. Но вы решили упорчить за собой славу новой породы людей – людей строгого расписания поступков и желаний. Ведь это же фальшь, товарищ Гелинский! Всё это искусственное. Настоящее-то вовсе не такое... Вы обречены повторять зады материалистической философии. И только зады. Всё предрешиено. Ваши мысли скованы железной системой. Вы прославляете только партийную дисциплину, вы гордитесь ею, и чем суровее эта железная дисциплина, тем более вы

горды. А это уже прямо регресс. Это застой, реакция – всё, что хотите”. Оппонент инженера коммунист Гелинский пытается пространно и энергично возражать, но его декларативная логика не способна никого убедить.

Одним из центральных героев произведения, наиболее яркой и цельной личностью в нём является Егор Иванович Курбатов, человек из когорты промышленных руководителей, которых Л. Леонов выразительно назвал “генштабистами индустриализации”. Однако роман И. Макарова – особенное явление в этом ряду. Существует мнение, что в произведениях такого рода лишь “в конце 30-х годов появляется принципиально новый, неантагонистический тип конфликта, основанный на борьбе с карьеристами, рутинёрами, бюрократами. . . на передний край выступили конфликты, возникающие на основе трудовых процессов, новых производственных отношений людей” (Ершов. – С. 25). Между тем, И. Макаров задумался над существом “неантагонистических противоречий” ещё в начале 30-х годов, что запечатлелось в романе “Миша Курбатов”, завершённом в 1934 году.

Писатель одним из первых в советской литературе поставил вопрос об экономической и нравственной целесообразности методов и приёмов социалистического труда. Полемику со сторонниками бездумного строительного энтузиазма он сделал одним из центральных сюжетных мотивов романа “Миша Курбатов”. Герои “Миши Курбатова” хорошо понимают, что для развития производства одного энтузиазма недостаточно. Более того, в романе И. Макарова выявляются отрицательные последствия слепого наращивания темпов работы во что бы то ни стало и любыми средствами. Егор Курбатов записывает в своём дневнике: “Видимо, перенапрягся народ, не умеют работать, рвут на силу: бешеный подъём, потом спад. Так в атаку ходить, а не промышленность строить. Учить. Учить спокойно работать – в этом сейчас главное. . . Никому нельзя позволить злоупотреблять энтузиазмом рабочего класса”. Такая постановка вопроса объективно была как нельзя более своевременной, но и запретной с точки зрения официальной идеологии.

В калейдоскопе взглядов и мнений, выражаемых разными героями романа, всё более определяющей становится мысль о гибельности социальных экспериментов, основывающихся на побуждениях, которые безразличны к конкретному, так называемому “маленькому человеку”, а то и враждебны ему. Трудно забыть, например, лаконичное описание фотографии новой домны: “чудовищная башня, упирающаяся в небо, а внизу, в самом подножье, – крохотный человечек – ударник-комсомолец Гриша Черепенцев. . . И тут же – чудовищная домна, падающая на этого крохотного человечка. Внизу ехидная подпись: “Радуйся, царь социалистический”.

Нравственно-гуманистическая концепция романа наиболее определённо воплощена в сюжетном его развитии. Действие “Миши Курбатова” достигает своей кульминации в тот момент, когда при пуске новой домны случается беда: погибает главный герой произведения – молодой инженер Миша Курбатов. Создавая этот образ, писатель стремился запечатлеть характерные черты современной комсомольской молодёжи. Имя Миши Курбатова представлено в романе как имя “героя, любимейшего героя”. Но тем более острым и многозначным в сюжете произведения становится эпизод, в котором сообщается о его неожиданной и, на первый взгляд, нелепой смерти. Он погибает из-за безалаберности и разгильдяйства одного из сталеваров: хлынувший из доменной печи расплавленный металл, выплеснувшись из ковша, убивает младшего Курбатова. Гибель героя, олицетворявшего в глазах окружающих будущее рабочего класса, надежду страны, становится печальным итогом осуществляемого социального проекта.

Роман “Миша Курбатов” сыграл особую роль в судьбе его автора. Ко времени его завершения вокруг писателя сложилась крайне напряжённая обстановка. Критика перестала замечать его новые произведения. Было заторможено переиздание его ранних романов. Оказавшись в изоляции, И. Макаров решил обратиться за помощью к М. Горькому. Сохранившееся в архиве его письмо даёт представление о драматизме не только той ситуации, в которой очутился писатель, но и всей атмосферы литературной жизни той поры.

“Председателю Правления ССП Алексею Максимовичу Горькому. . .

<от> члена Союза Макарова И. И.

Дорогой Алексей Максимович!

По всем признакам я — писатель, и писатель советский, так как на мои произведения “Стальные рёбра”, “Казачий хутор”, “Дело № 471” и др. было указано как на положительное явление общественного порядка. Это звание советского писателя даёт мне право указать, в первую голову, Вам на то, что у меня нет больше силы работать в тех условиях, в которые меня ввергли события последнего времени.

Я знаю, что это положение не имеет никакого отношения к политике совласти в области литературы, и это окончательно утверждает моё решение просить Вас помочь мне, уж не знаю, в чём, довести, что ли, <до> сведения органов власти о тех вопиющих и измучивших меня безобразиях.

В 1933 году я напечатал в журнале “Октябрь” свой роман “Чёрная шаль”. Одновременно в издательстве “Советский писатель” эта книга была отпечатана в 13000 экземпляров. Но перед самым её выходом в свет она была четвертована, т. е. каждый из 13000 экземпляров был рассечен на четыре части, в том числе уничтожен и оригинал. Мне объявили, что уничтожил книгу Главлит, но на проверку оказалось, что Главлит даже не знает об этом. Это позорное четвертование опорочило меня как автора. Два других договора со мной были тотчас расторгнуты.

Потом в печати появилась знаменитая заметка, в которой я “всенародно” был объявлен жуликом, мародёром <i>кулаком. Как известно, расследование не установило этих фактов... И всё же травля против меня не только не прекратилась, но усилилась... Меня то и дело таскают к следователям и прокурорам, мне грозят, мне сулят “прокатить меня в арестантском вагоне” на допрос... я, Алексей Максимович, не могу выразить степень незаслуженных обид и унижений...</i>

Одновременно передо мной закрылась всяческая возможность писать и печататься. <...> “Чёрная шаль”, принятая ГИХЛом, застопорилась. Выполнение договора с иностранными издателями, заключённого мной через Литературное агентство, остановлено, несмотря на то, что “Чёрная шаль” напечатана в журнале. Роман “Миша Курбатов”, разрешённый цензурой, был изъят завиздательством “Молодая гвардия”. Литературная среда полна слухами о том, что Вы лично объявили мой роман классово-враждебным. Я не верю этому, так как знаю, что, заметив мою ошибку, Вы, наверное, объясните мне её, но факт остается фактом.

Я задаю себе вопрос: есть ли смысл продолжать работу писателя? Возможно ли это в таких условиях? Ведь это положение дезориентирует меня морально, идейно и как хотите.

Писать в таких условиях нельзя.

Я хочу получить работу: может быть, на другом участке я принесу большую пользу. Я имею более или менее серьёзную квалификацию в области коноводства и наездничества. Но кто возьмёт меня на службу, меня, “опозоренного” писателя, “из писателей — в наездники...”

Прошу Вас как писателя, имеющего за собой огромный жизненный опыт, и как руководителя ССП — посоветуйте, что мне делать?

Положение моё, Алексей Максимович, очень граничит с крайностью.

Я знаю, что Вы поверите в мое серьёзное уважение к Вам.

Ив. Макаров” (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Ед. хр. 137. Л. 89-90).

Копия этого письма была отправлена тогдашнему Первому секретарю Союза писателей СССР А. С. Щербакову. Именно этот документ хранится в РГАЛИ. На нём — резолюция: “Вызвать для переговоров. А. Щербаков. Вызвал на 31/III”. Никаких сведений об этой беседе не сохранилось. Но известно, что после этого письма состоялась встреча Горького с И. Макаровым. Как утверждает Арк. Первенцев, “Макаров шёл к Горькому с тревогой, а вернулся сияющий, обласканный, утешенный, радостно рассказывал о встрече, и я хорошо помню, как возбудила его горьковская прозорливость и понимание” (Первенцев. — С. 4).

Судя по сохранившимся документам, отношение М. Горького к роману И. Макарова “Миша Курбатов” было не столь однозначно восторженным, каким оно представлялось мемуаристу. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует письмо М. Горького А. С. Щербакову с отзывом о романе: “Тов. Щербаков — думаю, что Вам следует ознакомиться с прилагаемым романом. Автор — не дурак, но как будто выдает себя за такового. Достоевского весьма читал и отлично усвоил его манеру пользоваться вводными предложениями

для доказательства той искренности, коя именуется хитростью. Конец романа очень разнствует с началом, в коем особенно много чепухи. О каком строительстве идёт речь — не понимаю, но для удовольствия мешан “обнажаются язвы” всяких строительств. А. Пешков. 30.1.1935” (Горький. — С. 374).

Однако есть основания предположить, что личная встреча И. Макарова с М. Горьким, состоявшееся при этом обсуждение общественной и литературной обстановки, сложившейся вокруг него, всё же вынудили Алексея Максимовича изменить отношение к автору “Миши Курбатова” и постараться ему помочь. Горький попытался разрушить издательскую блокаду писателя. По свидетельству М. Смирновой, “знаменитый писатель подсказал Макарову сюжет повести о русском художнике-самородке петровской поры, пригласил сотрудничать в редактируемом им “Колхознике”. Они даже заключили негласный договор: Макаров обещал отдавать в горьковский журнал все свои новые рассказы” (Смирнова. — С. 23). Действительно, в журнале “Колхозник” в 1935–1936 годах были опубликованы рассказы И. Макарова “Жар-птица”, “Машина дочка”, “Последний мужикан”, отрывок из романа “Голубые поля” под названием “На меже”, очерк “Северный шёлк”.

Очевидно, не без участия Алексея Максимовича в начале 1936 года в журнале “Новый мир” был опубликован, а затем отдельным изданием вышел роман “Миша Курбатов”. К сожалению, смерть М. Горького не позволила ему в дальнейшем защитить роман и его автора от нападков критики и политических обвинений.

Выход “Миши Курбатова” вызвал целый поток откликов. Критика, на протяжении нескольких лет словно бы не замечавшая произведений И. Макарова, теперь как будто стремилась компенсировать “заговор молчания”. Однако тон и содержание рецензий были беспартийно жёсткими. Хотя они публиковались в различных изданиях (“Рабочая Москва”, “Известия”, “Комсомольская правда”, “Литературная газета”, “Литературный современник”), содержание их и сама тональность характеристики произведения представляются удивительно однообразными. Оценки его свелись, по существу, к декларациям, дающим однозначную трактовку политического звучания произведения. Характерны названия рецензий: “Политическая слепота”, “Клеветнический роман” и т. п. Авторы этих выступлений не ограничились уничтожающими отзывами о “Мише Курбатове”. Они припомнили и политические упреки в адрес И. Макарова семилетней давности. Так, в заметке “О “Новом мире”, подписанной “Нелитератор”, отмечалось, что “в своё время он (И. Макаров. — Ю. Д.) выпустил отвратительный троцкистский пасквиль на выдвиженчество, в котором доказывал, что аграрной политикой советской власти руководит жулак” (Известия. 1937. — 26 февраля). (Имелся в виду роман “Стальные рёбра”. — Ю. Д.). В заметке, опубликованной “Литературной газетой” 5 марта 1937 году, И. Макаров наряду с П. Васильевым, Н. Зарудиным и некоторыми другими писателями прямо назывался “врагом народа”.

Как бы подводя итоги этой кампании по уничтожению писателя, чиновный деятель от искусства заявил: “В явно контрреволюционном романе Ив. Макарова “Миша Курбатов”... за мнимой сложностью скрывается контрреволюционная клевета, дискредитация социалистического строительства. Контрреволюционные, клеветнические выпады против партии и советской власти имеются чуть ли не на каждой странице романа: партия, мол, делает “пустые возгласы”, самоубийцы оставляют записки, возлагая вину за свою смерть на партию, советскую власть, на невыносимые условия, произвол и голод, якобы царящие в Советской стране” (Кирпотин. — С. 124). Понятно, что подобные “оценки” в то время были равносильны подписанию приговора, который и последовал незамедлительно.

До сих пор обстоятельность гибели И. Макарова остаются мало известными. Сегодня есть возможность сообщить лишь о некоторых из них. В 1992 году в журнале “Наш современник” был опубликован ряд документов, проливающих свет на обстоятельства трагической гибели в застенках НКВД поэта Павла Васильева. Среди этих материалов впервые увидел свет и один из протоколов допроса И. И. Макарова, который проходил по тому же делу. Понятно, что полного доверия к информации, которая содержится в ответах допрашиваемого, быть не может (известно, каким образом нужные следствию ответы добывались), но всё же и эти, явно искажённые, строки доносят до нас сегодня последние слова, произнесённые И. Макаровым незадолго до

смерти: “Будучи исключен из ВКП(б) за мелкобуржуазные настроения и моральное разложение, начиная с 1929 г. я стал на контрреволюционный путь.

Исходя из контрреволюционных позиций, я высказывал, что в СССР осуществляется не социализм, а голая неприкрытая эксплуатация трудящихся. Город жиреет за счёт деревни, за счёт гибели мужика!..

Контрреволюционные позиции, на которых я стоял, объясняются в значительной мере и моими шовинистическими взглядами...

Партия оторвалась от масс... не осуществляет интересы русского народа... Она осуществляет эту политику путём полицейского террора, превращая Россию в николаевскую казарму.

...Мы пришли к выводу, что Сталин осуществляет диктатуру в стране, превратил партию в “запуганное стадо”, репрессировав всех мало-мальски не согласных с ним, и что пока Сталин является секретарём ЦК, изменения в политике ВКП(б) невозможны. По нашему мнению, единственный способ изменить политику — это совершение террористического акта против Сталина” (Волков. — С. 153).

Многолетние разыскания архивных материалов об И. И. Макарове с неизбежностью привели в КГБ СССР, откуда был получен скорбного содержания ответ, в котором, в частности, сообщалось: “В материалах Центрального архива КГБ СССР имеются сведения о том, что Макаров Иван Иванович, 1900 года рождения, уроженец Рязанской области, писатель, 8 февраля 1937 года был арестован органами НКВД СССР как “активный участник антисоветской террористической группы правых”. Приговором военной коллегии Верховного суда СССР от 15 июня 1937 года осуждён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 16 июля 1937 года в г. Москве. Определением военной коллегии Верховного суда от 18 июля 1956 года Макаров И. И. реабилитирован” (архив автора статьи).

Так на самом взлёте жизни и творчества трагически оборвался путь самобытного русского писателя. Без осмысления его художественных исканий и обретений невозможно составить объективное представление о литературном процессе предвоенного десятилетия. Писатель сумел нарисовать правдивую картину современности и соотнести её оценку с извечными критериями нравственности и гуманизма. В этом видится секрет неугасающей актуальности и значимости творчества И. И. Макарова в наше время.

ЛИТЕРАТУРА

Волков С. “Посулила жизнь дороги мне ледяные” (“Дело” Павла Васильева 1937 года) // Наш современник. 1992. № 11.

Глаголев Арк. Трагедия одного энтузиаста (О романе Ивана Макарова “Стальные рёбра”) // Новый мир. 1930. № 3.

Горький М. Собр. соч.: в 30-ти тт. Т. 30. М.: ГИХЛ. 1956.

Дивильковский А. Крестьянский писатель в раздумье // Земля советская. 1930. № 1.

Ершов Л. Ф., Никулина Е. А., Филиппов Г. В. Русская советская литература 30-х годов. М., 1978.

История русской советской литературы (1917–1940). — М.: Просвещение. 1975.

Кирпотин В. Журнал “Новый мир” за 1936 год // Большевик. 1937. № 5–6.

Козлов И. Постигание высоты // Москва. 1959. № 6.

Новиков В. М. Талант неуёмный и дерзновенный // Рязанский комсомолец. 1965. 5 октября.

Макаров И. Остров // Макаров И. Чёрная шаль. Роман. Повесть. Рассказы. М.: Московский рабочий. 1970.

Макаров И. Стальные рёбра. М., 1931.

Макаров И. Казачий хутор // Земля советская. 1932. № 8.

Макаров И. Казачий хутор // Земля советская. 1932. № 10. С. 100.

Макаров И. Голубые поля. Роман. М., 1959.

Макаров И. Миша Курбатов. Роман // Макаров И. Рейд Чёрного жука. М., 1966.

- Панфёров Ф. Бруски. Кн. 1 // Панфёров Ф. Собр. соч. : в 6 тт. Т. 6. М., 1958-1959.
- Первенцев А. О нём, сыне рязанской земли // Макаров И. Казачий хутор. Рязань, 1962.
- Плиско Н. Иван Макаров (Тенденция творчества) // Октябрь. 1930. № 4.
- Пути развития крестьянской литературы: Стенограммы и материалы Первого Всероссийского съезда крестьянских писателей. М.-Л., 1930.
- Смирнова М. Предисловие // Макаров И. Чёрная шаль. Указ. изд.
- Сурганов Вс. Человек на земле. М., 1981.
- Тоом Л. Кризис или агония? // На литературном посту. 1930. № 11.
- Чарный М. Об "Острове" И. Макарова // Литературная газета". 1930. № 17 (54).
- Шишкевич М. Иван Макаров // Земля советская. 1930. № 2.
- Шолохов М. А. Тихий Дон // Шолохов М. А. Собр. соч. : в 8 тт. Т. 3. М., 1985.